Тонкая фигурка легко скользит между деревьев, без особого труда уходя из-под ударов. Забуза с гордостью смотрит на действия своего воспитанника, который пусть и слишком мягок для шиноби, но сейчас действует как надо.

Мысль дать себя обнаружить ойнинам была неплохой. Себе Момочи может признаться, что его подопечный справляется даже лучше него с заманиванием ойнинов в ловушку. Дразнит, уходит от чужого оружия, не подпуская ближе, но и не удаляясь. Забуза прямо чувствует азарт охотников, которым суждено стать добычей, и для этого не надо видеть чужие глаза.

Лес на удивление тих. Нет щебета птиц, не слышен хруст веток под лапами или копытами животных. Только шелест листвы и глухие звуки от воткнувшихся в дерево сюрикенов. Изредка трещит ломаемая техникой ветка. Ни криков, ни громкого дыхания. Сражающиеся в кронах люди, как тени, призраки, но ущерб, что они приносят — настоящий.

Маленькая фигурка, которая бежала впереди, на мгновение замирает, кажется, что она замешкалась, подставилась под удар, но захлестнувшая ее водная плеть разрезает лишь крупный камень. Каварими. Подросток уже не на ветке, а рядом с небольшим ручьем. По земле стелется густой туман, который, повинуясь воле создавшего, взмывает вверх.

Момочи слегка напрягается, но не двигается с места, внимательно вслушиваясь в звуки, что теперь скрадывал туман. Его опыт позволял уловить тихий звон создаваемого льда, свист рассекаемого водяными хлыстами воздуха, редкие взрывы печатей, слишком слабых, чтобы развеять чужую технику, крики раненых или же последние хрипы умирающих.

Мечник ждал, когда все закончится, обманчиво расслабленно устроившись в кроне дерева. Ему не требуется помогать, Хаку должен справиться сам… Или не справиться, но думать об этом ему не хотелось.

Туман начинает редеть, постепенно опускаясь вниз и открывая внимательному взгляду место боя. В некоторых местах следы практически не видны, а в других же наоборот, слишком заметны. Взрытая земля, изломанные ветви, а кое-где и могучие стволы, темные пятна, что так похожи на кровь, ошметки чужой экипировки и даже кожи. Чуть в стороне, прямо среди цветущей камелии, черным пятном выделяется темная метелка. Момочи отстраненно думает о том, что это чей-то скальп или же его часть.

Целых тел не видно, будто их никогда и не было. Впрочем, Забузу не интересуют такие мелочи, взгляд впивается в хрупкую фигурку, что слегка пошатываясь идёт в сторону его укрытия. Взгляд быстро пробегается по ней, выискивая раны, внутри неприятно тревожное чувство, которое отпускает, когда он понимает, что парнишка цел.

Облегчение. Мечнику непривычно это чувство, оно вызывает злость, которую он уже привычно подавляет, мягко приземляясь перед своим подопечным. Потрепанный, в чужой и своей крови, зато живой и без серьезных увечий, лишь пара царапин.

— Я закончил, Забуза-сан, — хрипло отчитывается подросток в покрытой кровавыми разводами маске. Взгляд пустой, сквозь собеседника, но протягивающие свиток руки совсем не дрожат. — Я запечатал их.

— Неплохая работа, — мечник не кривит душой, парнишка действительно хорошо поработал, а полученный свиток с почти целыми ойнинами приятный бонус, не больше. В конце концов, не факт, что за них можно будет хоть что-то выручить на черном рынке.

— Я рад, Забуза-сан, — голос искренен, но во взгляде постепенно появляется жизнь. Момочи даже чувствует укол вины, ведь именно он виноват в состоянии подростка. Попытки убедить самого себя, что так было правильно, помогают плохо. Внутри появляется злость на самого себя, на ситуацию в целом.

— Замети следы, приведи себя в порядок и выдвигаемся, — слова звучат резче, чем он хотел, но поздно хоть что-то менять. Момочи остается только наблюдать, как подросток кланяется и уже практически не шатаясь идет выполнять приказ.

Движения Хаку скованные, лишенные привычной легкости, но от этого не менее четкие. Он избавляется от следов боя, насколько это вообще возможно в данной ситуации, и только после этого начинает заниматься своими ранениями. Не серьезными, но все равно неприятными. Парнишка не видит, как на него смотрит наставник, который в глубине души признавал, что в чем-то не прав, но гордость не давала подойти и помочь. Своеобразное наказание, но… для кого?

— Идем, — заметив, что Хаку закончил и подошел к нему, Момочи дает знак следовать за собой. Парнишка подчиняется, но мечник чувствует его странные взгляды. Юки явно хочется что-то сказать, но не решается, а только молчаливо следует за наставником.

Тихий шорох одежды, смазанный звук, будто кто-то поскользнулся, и Забуза резко оглядывается назад. Тонкая фигурка стремительно падает вниз, голова и конечности безвольно опущены. Еще немного, и он упадет, но Момочи оказывается быстрее, у самой земли перехватывая легкое тело. В ответ тихий стон, тело подростка рефлекторно дергается, но в сознание он не приходит.

Мечник сдавлено ругается сквозь зубы и осторожно опускает драгоценную ношу на землю, уже внимательнее осматривая тело. Только сейчас в глаза бросается слишком плотная обвязка на ребрах. Осмотр показывает, что это следы от удара катаной. Уже воспалившиеся и явно нанесенные не в недавнем бою.

Мужчина с трудом подавляет гнев на глупого мальчишку, который решил скрыть свою рану. И удачно ведь! Он не заподозрил, да и откуда ему? В конце концов, недавним заданием его подопечного было уничтожить банду, где не было шиноби. Вообще. Он даже думать не мог, что кто-то достанет Хаку. Лучшее оружие, что он создал. Только вот достали, сильно, а его желание испытать ученика только усугубило ситуацию. Не удивительно, что он не сразу занялся своими ранами, а подождал. Видимо, не хотел, чтобы мечник видел его рану.

Пара глубоких вздохов. Чужая глупость раздражает, даже злит, но это сейчас не поможет. Момочи слишком хорошо понимает, что им требуется укрытие. Мысль бросить подростка умирать даже не приходит мужчине в голову. Он просто меняет бинты и вновь подхватывает легкое тельце, стремительно срываясь с места.

Он не может потерять Хаку. Он и без того много терял.

Продолжение следует…

http://tl.rulate.ru/book/54176/1379797